

«МЫ ОДНОВРЕМЕННО ВЕРИЛИ В БОГА И КОММУНИЗМ»: ФЕНОМЕН «СОВЕТСКИХ ВЕРУЮЩИХ» В СССР 1940-Х — 1980-Х ГГ.¹

Александр Вячеславович Апанасенок

Доктор исторических наук, доцент.
Региональный открытый социальный институт,
профессор кафедры гуманитарных дисциплин
305009, г. Курск, ул. Маяковского д. 85
apanasenok@yandex.ru

Для цитирования: *Апанасенок А. В.* «Мы одновременно верили в Бога и коммунизм»: феномен «советских верующих» в СССР 1940-х — 1980-х гг. // Церковный историк. 2022. № 3 (9). С. 174–186 DOI: 10.31802/СН.2022.9.3.011

Аннотация

УДК 27-673.5

Работа посвящена проблеме взаимодействия и взаимодополнения православных и советских ценностей в духовной жизни граждан СССР в 1940-е — 1980-е гг. Опираясь на обширные архивные материалы из фондов Совета по делам РПЦ/ по делам религий при Совете Министров СССР, а также результаты собственных полевых исследований, автор анализирует уникальный феномен «совмещения несовместимого»: одновременной самоидентификации значительной частью населения страны себя как «советской» и «православной».

В статье рассматривается содержание риторики представителей Русской православной церкви, указывавших на наличие ценностей и задач, общих для православных верующих и советского государства; характеризуется деятельность православных приходов, включенных в «социалистическое созидание»; анализируются суждения пожилых верующих (в прошлом — граждан СССР) о возможности сочетания христианских и коммунистических идеалов.

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 21–09–43066.

Показано, что смягчение государственной политики в отношении церкви, имевшее место в 1940-е гг., простимулировало церковных деятелей и рядовых верующих к поиску путей удовлетворительного сочетания православного мировоззрения и доминирующих в общественной жизни советских норм. С одной стороны, этот поиск опирался на осознание необходимости интеграции Церкви и верующих в советский социум, то есть выступал стратегией сохранения православной культуры. С другой стороны, он отражал искренне стремление прошедших социализацию в советском обществе граждан примирить в собственном сознании традиционные конфессиональные и новые гражданские ценности. В статье демонстрируется, что рядовые верующие зачастую не видели непреодолимого противоречия в понятиях «советский» и «православный». Сформированная советская идентичность, активное участие в коммунистических ритуалах не исключали для граждан СССР христианскую самоидентификацию. В работе также приводятся примеры христианского осмысления исторической миссии коммунистической партии со стороны проживавших в СССР верующих.

Ключевые слова: история СССР, православная культура, христианские ценности, советская идентичность, коммунистическая идеология

«We believed in God and Communism at the same time»: the phenomenon of «Soviet believers» in the USSR of the 1940s — 1980s²

Aleksandr V. Apanasenok

Dr. Sc. in History

Professor of Humanities Department

Regional Open Social Institute

Russia, Mayakovsky str., 85, Kursk, 305009

apanasenok@yandex.ru

For citation: *Apanasenok, Aleksandr V.* “We believed in God and Communism at the same time”: the phenomenon of “Soviet believers” in the USSR of the 1940s–1980s. *Church Historian*, № 3 (9), 2022, pp. 174–186 (in Russian). DOI: 10.31802/CH.2022.9.3.011

Abstract. The work is devoted to the problem of interaction and complementarity of Orthodox and Soviet values in the spiritual life of USSR citizens in the 1940s — 1980s. Relying on extensive archival materials from the funds of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church / Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR, as well as the results of his own field research, the author analyzes the unique phenomenon of «combining the incompatible»: simultaneous self-identification as «Soviet» and «Orthodox» by significant part of the population of the country.

The paper examines the rhetoric of representatives of the Russian Orthodox Church, who pointed out the existence of values and tasks common to Orthodox believers and the Soviet state;

2 Acknowledgements: The research was funded by RFBR according to the project № 21–09–43066

characterizes the activities of Orthodox parishes included in the «socialist creation»; analyzes the judgments of elderly believers (formerly citizens of the USSR) about the possibility of combining Christian and communist ideals.

It is shown that the softening of state policy towards the church, which took place in the 1940s, stimulated church leaders and ordinary believers to search for ways to satisfactorily combine the Orthodox worldview and dominating in public life Soviet norms. On the one hand, this search was based on the awareness of the need to integrate the Church and believers into Soviet society and acted as a strategy for preserving Orthodox culture. On the other hand, it reflected the sincere desire of citizens who had been socialized in Soviet society to reconcile traditional confessional and new civic values in their own minds. The paper demonstrates that ordinary believers often did not see an insurmountable contradiction in the concepts of «Soviet» and «Orthodox». The formed Soviet identity and active participation in communist rituals did not exclude Christian self-identification for the citizens of the USSR. The work also provides examples of Christian understanding of the historical mission of the Communist Party on the part of believers who lived in the USSR.

Keywords: history of the USSR, Orthodox culture, Christian values, Soviet identity, communist ideology

В 2022 году исполняется сто лет с момента образования СССР. Вне зависимости от субъективного отношения к стране Советов и ее культуре, этот своеобразный «юбилей» лишней раз дает повод для того, чтобы задуматься об уникальности канувшей в лету цивилизации. Несомненно, Советский Союз часто оказывался вмещением «несовместимого», страной множества парадоксальных явлений, до сих пор не осмысленных должным образом. Одним из ярких парадоксов, имевших место в советской действительности, явился феномен совмещения миллионами граждан христианских (православных) и коммунистических идеалов. На это удивительное явление обращали внимание западные исследователи³, в русскоязычном исследовательском поле его проблематизировала в одной из своих статей Н. Шлихта⁴. Разбирая конкретную биографию, касалась этого вопроса и Н. В. Воробьева⁵, однако говорить о сколь-нибудь основательной изученности феномена «советских верующих» пока не приходится. Полноценная научная рефлексия в данном случае предполагает как основательные архивные изыскания (прежде всего работу с материалами государственных ведомств, анализировавших общественное сознание в СССР), так и анализ опубликованных источников церковного происхождения, проясняющих взгляды Русской православной церкви на возможность «примирения» православной и советской культуры. Кроме того, очень важны в данном случае и масштабные исследования «живой памяти» — то есть взаимодействие с пожилыми людьми (гражданами бывшего СССР) — прихожанами современных православных приходов, способными прокомментировать особенности своей духовной жизни до перестройки.

Такого рода работа была начата в рамках исследовательского проекта «Советская идентичность и проблемы религиозности: православные

- 3 См.: *Siegelbaum L. H. Religion, Anti-Religion and Double Faith // Soviet State and Society between Revolutions, 1918–1929. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 156–165; Stone A. B. «Overcoming Peasant Backwardness»: The Khrushchev Antireligious Campaign and the Rural Soviet Union // Russian Review. 2008. Vol. 67. No. 2. P. 296–320; Young G. Power and the Sacred in Revolutionary Russia: Religious Activists in the Village. University Park: Pennsylvania State University Press, 1997. 307 p.*
- 4 *Шлихта Н. В. «Православный» и «советский»: к вопросу об идентичности верующих советских граждан (1940-е – начало 1970-х гг.) // Антропологический форум. 2012, № 23. С. 82–107.*
- 5 *Воробьева Н. В. Конструирование «советской» идентичности в автобиографиях омских архиереев // Омские научные чтения – 2019. Материалы Третьей Всероссийской научной конференции. Омск, 2019. С. 111–119.*

практики в повседневной жизни граждан СССР в 1940-е — 1980-е гг.» (2021–2022 гг.). Данная статья призвана презентовать некоторые промежуточные результаты этого проекта. Ее цель — продемонстрировать истоки и особенности формирования двойной советско-православной идентичности значительной части отечественного социума в средние и позднесоветский периоды его истории. Основу источниковой базы работы составили материалы из фондов Совета по делам РПЦ / по делам религий при Совете Министров СССР, а также материалы полевых исследований, полученные в ходе анкетирования представителей старшего поколения российских граждан.

Предваряя анализ проблемы, проиллюстрируем обозначенный выше парадокс советской действительности с помощью примера из опубликованных в 2014 г. воспоминаний М. Захарчук. Родившись и будучи воспитанной в семье советских учителей, она, тем не менее, в студенческие годы пришла к вере и стала регулярно посещать церковь. Во время обучения на факультете журналистики Ленинградского государственного университета (конец 1970-х гг.) девушка познакомилась с молодым семинаристом, который сделал ей предложение. Они обвенчались, а вскоре будущий батюшка получил благословение стать настоятелем сельского прихода в Белгородской области. Молодая матушка вернулась в Ленинград, чтобы закончить обучение, и здесь однокурсники (как выяснилось, активно интересовавшиеся жизнью церкви) спросили ее: «правда, что все попы — коммунисты?»⁶.

Судя по воспоминаниям, вопрос был задан вполне серьезно, а потому вызывает недоумение: как можно было заподозрить православного священника (и тем более православный клир в целом) в коммунистических воззрениях, отвергавших ценность религии в принципе? Может быть, вопрос был сформулирован некомпетентным человеком, который опирался на какие-то слухи и абсурдные представления? Не исключено, однако изучение источников показывает, что для формирования таких представлений имелись определенные причины: в предшествующие десятилетия в церковной риторике, а также деятельности отдельных священнослужителей можно было увидеть попытки частичного примирения христианства и советской культуры.

Знаменитый архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) в своей работе «Наука и религия» писал об отражении евангельских принципов в коммунистической морали, указывая на общее для православных

6 Захарчук М. Г. На поповских хлебах. Рязань, 2014. С. 107.

людей и коммунистов неприятие индивидуализма, эксплуатации, стяжательства и т.д.⁷. Святитель указывал и на серьезные достижения советской власти, в одной из своих статей говоря, что православная вера не мешает видеть «все то доброе, полное великой социальной правды, что дал нам новый социалистический строй»⁸. Такого рода статьи писали и другие церковные авторы. Как показал иерей П. Лизгунов, печатный орган Русской православной церкви — «Журнал Московской Патриархии» — начиная с 1940-х гг. на протяжении четырех десятилетий регулярно выступал инструментом примирения православного и советского самосознания у верующих СССР⁹.

Попытки примирения культур предпринимались не только на уровне публикаций, но и на уровне практической деятельности простых священнослужителей. Например, в 1959 г. представитель Совета по делам РПЦ в Молдавии отмечал в своем докладе, что православные священники во время бесед с верующими «приветствуют проводимые нашей партией и правительством мероприятия, достигнутые успехи в области промышленности, сельского хозяйства ... Они пытаются внушить верующим, что между идеями коммунизма и религии нет никакой разницы, что вся деятельность церкви и духовенства направлена на успешное построение коммунизма»¹⁰.

Среди материалов Совета по делам РПЦ можно найти немало конкретных примеров «коммунистической» ориентации священников, разделявших советские ценности (исключая, естественно, атеизм). Так, здесь можно прочесть про сельского батюшку, призывающего оформлять подписку по госзайму и рисующего агитационные плакаты с советскими лозунгами, но при этом пользующегося авторитетом истинно верующего человека (1951 г.)¹¹; найти описание священника, радующегося пионерским галстукам и заявляющем о «безграничной любви» к Советской власти (1959 г.)¹²; встретить массу упоминаний о священ-

7 Лука, архиепископ (Войно-Ясенецкий). Наука и религия: дух, душа и тело. М., 2001. С. 77–78.

8 Лука (архиепископ Крымский и Симферопольский). К миру призвал нас Господь // Журнал Московской патриархии. 1948. № 1. С. 62.

9 См.: Лизгунов Павел, иерей. «Журнал Московской Патриархии» как инструмент «примирения» православного и советского самосознания у верующих СССР в 1940-е – 1980-е гг. // Церковный историк. 2021. № 2 (6). С. 147–157.

10 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1826. Л. 6.

11 ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 839. Л. 143.

12 Там же. Д. 1826. Л. 9.

нослужителях — поборниках ударного выполнения планов по развитию социалистического хозяйства и т.п.¹³.

Насколько искренними были попытки православных иерархов, а также простых клириков сформировать поле ценностей, общее для православия и новой советской культуры? Наверняка ответы в конкретных случаях будут различаться, но при этом очевидно, что сохранение церковной жизни в принципе требовало такого подхода. Он начал формироваться в годы Великой Отечественной войны, когда Церковь заняла недвусмысленную патриотическую позицию и призвала верующих приложить все усилия для защиты Родины в тылу и на фронте. На этом фоне советское руководство начало делать шаги в сторону верующих, формируя у них надежду на возможность возрождения традиционного конфессионального уклада. Чтобы надежда оправдалась, нужно было продемонстрировать, что православная идентичность не мешает воплощению советских идеалов. Соответственно, приобретение некоторой «советскости» должно было стать стратегией православных приходов по переходу от нелегального статуса к легальному. Неудивительно, что и регистрация приходов в 1940-е гг. и их последующее функционирование обычно сопровождалось демонстрацией лояльности советскому строю и участием в некоторых «социалистических» начинаниях. Чаще всего это участие выражалось в том, что приходы оказывали материальную помощь советским учреждениям и колхозам, поддерживали детские дома, финансировали ремонт школ и т.д.¹⁴. Многие православные граждане оказались убеждены, что советская власть и Церковь отныне должны действовать совместно. Уполномоченный Совета по делам РПЦ по Молотовской области, например, в 1946 г. писал в Москву об уверенности верующих в том, что в процессе регистрации приходов открываются не просто православные храмы, а «советские церкви»¹⁵. «Примирению» советской и православной культур способствовало и участие Русской православной церкви в борьбе за мир на международном уровне. Выступления православных клириков на эту тему с точки зрения идейных посылов в целом совпадали с государственной риторикой, а это давало возможность подчеркнуть единство подходов Церкви и советской власти в вопросах первостепенной важности. В итоге, в середине 1960-х гг. Институт научного атеизма был вынужден констатировать факт срастания православного и советского самосознания

13 Там же. Л. 8–9.

14 См., напр.: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 605. Л. 313–314; Д. 50. Л. 95.

15 ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 63. Л. 8–9.

у многих верующих, классифицировать его как стратегию самозащиты церкви и признать, что эта стратегия «существенно усложняет борьбу с религиозной идеологией»¹⁶.

Было ли «примирение» православных и советских ценностей только «стратегией», вызванной к жизни стремлением сохранить основы конфессионального уклада? Думается, что объяснять феномен «советских верующих», учитывая лишь это (несомненно, очень важное) обстоятельство, значило бы недооценить сложность духовных процессов в СССР. Необходимо иметь в виду, что на протяжении нескольких десятилетий коммунистической партией и фактически подконтрольными ей государственными структурами проводилась фундаментальная «воспитательная» работа с гражданами страны. В военный и послевоенный период во взрослую жизнь вступили поколения, родившиеся и выросшие при советской власти, обучавшиеся в советских школах и воспринимавшие строительство коммунизма как великую миссию своей страны. Нельзя было отрицать и достижения (социальные, культурные, научные, военные), которые давали поводы гордиться ею. Как следствие, большинство населения СССР в послевоенный период имело сформированную советскую идентичность. Даже верующим гражданам трудно было отказаться от таковой, а потому и они, и их пастыри вели активные духовные поиски «соединения несоединимого».

В документах уже упомянутого Института научного атеизма (ИНА), функционировавшего при Академии общественных наук, можно встретить немало свидетельств соединения верующими (либо «сочувствующими» православию) людьми образов христианской и коммунистической культур. Например, в докладной записке «О проявлениях религиозности населения г. Воронежа в предпасхальные дни 1966–1968 гг.» говорится, что, согласно опросам, в 1968 г. имя Иисуса Христа многими посетившими храм людьми связывалось с именем В. И. Ленина. Корреспонденты ИНА записали следующие цитаты жителей Воронежа: «Христос был справедливым человеком, как Ленин», «Христос был настоящим коммунистом», «Как Ленин за народ, так и Бог за народ», «Христос — что Ленин. Его нет, но его помнят», «Ленин был — верим. Так и Христос был, верим», «Скоро будут почитать Ленина, как Иисуса Христа», «Сейчас мы, пожилые, молимся Христу, а вы, молодые, Ленину молиться будете» и т.п.¹⁷. Из содержания этих фраз видно, что миссия комму-

16 Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 606. Оп. 4. Д. 86. Л. 38

17 ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 154. Л. 69.

нистической партии осмысливалась такими посетителями пасхальных служб через призму христианского мировоззрения, а ее российский основоположник, несмотря на известные антирелигиозные взгляды, у некоторых граждан вызывал далеко не атеистические ассоциации.

Насколько распространенным явлением было смешение религиозных и квазирелигиозных образов и ценностей в СССР? Кроме многочисленных документальных свидетельств, значительные масштабы этого феномена подтверждают и данные современных полевых исследований. В ходе предпринятого автором статьи и его коллегами в 2021 г. специального анкетирования граждан (проводилось на территории Курской, Орловской и Белгородской областей) было опрошено 144 человека от 52 до 88 лет. Выбранный для исследования возрастной диапазон был обусловлен стремлением получить информацию от людей, чья социализация и взросление прошли в советское время. Кроме того, условием участия в анкетировании стала какая-либо (в том числе и символическая) степень вовлеченности граждан в жизнь православных приходов в позднесоветский период. Анкета включала в себя двадцать вопросов. Первые семь имели формальный характер, ответы на них были призваны сформировать социальный портрет анкетиремого. Следующие тринадцать вопросов были направлены на выяснение того, как анкетиремый себя идентифицировал в позднесоветский период, насколько глубоко был погружен в советские и конфессиональные практики, каким образом сочетал (если сочетал) советские и православные ценности¹⁸.

Первым фактом, который обратил на себя внимание исследователей по итогам анализа результатов анкетирования, стало отсутствие явного противопоставления советской и православной культуры подавляющим большинством опрошенных. Почти все опрошенные (135 человек) заявили, что так или иначе отмечали гражданские памятные даты и праздники СССР — 1 и 9 мая, 7 ноября и т.д. На вопрос «Кем Вы считали себя в первую очередь в советское время: советским человеком или христианином (христианкой)?» 93 человека ответили «советским человеком», еще 41 идентифицировали себя в качестве советских людей и христиан одновременно, то есть фактически назвали себя

18 Подробнее об обстоятельствах анкетирования, а также содержании анкеты см.: *Апанасенко А. В., Пудякова И. С.* Проблема совмещения советской и православной идентичности гражданами СССР в зеркале воспоминаний жителей провинциальной России // *Провинциальные научные записки.* 2021, №2. С. 12–18 (в публикации охарактеризованы промежуточные, то есть неполные результаты анкетирования).

«советскими верующими». Лишь 10 опрошенных заявили, что всегда считали себя прежде всего христианами. То есть, 93% опрошенных имели в позднесоветский период более-менее сформированную советскую идентичность. Формирование советской идентичности предполагало воспитание в лояльных советской власти семьях, однако эта лояльность не исключала эпизодических православных практик: 135 (94%) опрошенных указали, что в их семьях сохранялись те или иные православные традиции (преимущественно связанные с традиционными православными праздниками, а также крещением новорожденных).

На вопрос о том, можно ли было доверять советской власти и при этом посещать православный храм, большинство опрошенных (65%) ответили утвердительно. Главным доводом при этом стало указание на разные миссии советского государства и Церкви: первая, согласно высказанным мнениям, должна была создать условия для справедливой, правильно устроенной жизни, а вторая была призвана помочь людям в поддержании душевных сил. Характерные цитаты из анкет: «Да, можно.... Так делала моя мама. Она была кавалером ордена Трудовой славы и при этом глубоко верующим человеком. Ей вера дала сил вырастить детей после войны, так как мой папа погиб на фронте»¹⁹; «можно, была бесплатной медицина, обучение, давали квартиры работающим»²⁰; «конечно, можно было доверять, ведь все делалось для человека ... Мы служили власти и тайно верили в Бога»²¹. Отдельные информанты, подобно святителю Луке, указали на совпадение ряда православных и советских ценностей: «что у советской власти, что в Церкви: не укради, помоги ближнему. Одни и те же заповеди»²². Значительная часть опрошенных (53%) дала положительный ответ на вопрос о том, возможно ли было одновременно верить в Бога, оставаться православным человеком, но при этом надеяться на построение коммунизма. То есть, значительная часть граждан, считавших себя представителями советской цивилизации, хранила христианские и коммунистические идеалы одновременно. На основании текстов анкет можно заключить, что коммунизм зачастую виделся земным воплощением православных идеалов. «Коммунисты хотели, чтобы было

19 Анкета Каменевой Е. С., 1936 г. р. / Архив проекта «Советская идентичность и проблемы религиозности: православные практики в повседневной жизни граждан СССР в 1940-е – 1980-е гг.». Полевые материалы 2021 г. (анкетирование) (АП СИПР, 2021).

20 Анкета Уваровой Т. Н., 1943 г. р. / АП СИПР, 2021

21 Анкета Юрия П. И., 1942 г. р. / АП СИПР, 2021

22 Анкета Валентины Васильевны П., 1950 г. р. / АП СИПР, 2021

по справедливости все устроено. Как в Писании. Только они в Бога не верили. Хотя некоторые верили. И мы верили»²³; «Бог, конечно, важнее, чем социализм или еще что-то, что человек может сам построить. Но пока мы сохраняли веру, мы надеялись на светлое будущее. Оно тогда называлось коммунизмом»²⁴; «в том, что мы одновременно верили в Бога и коммунизм, я считаю, ничего страшного не было... У Бога мы выполняли заповеди, а у коммунизма — моральный кодекс строителя коммунизма, а одно дополняло другое»²⁵. В разных формулировках похожие идеи представлены во множестве анкет.

Нельзя отрицать, что люди старшего поколения порой испытывают на себе влияние ностальгии по ушедшей эпохе и собственной молодости, светлые воспоминания о СССР обусловлены в том числе желанием хранить в памяти прежде всего что-то хорошее. Кроме того, человеку свойственно стремиться приводить свои прошлые и настоящие убеждения (в данном случае — советские и христианские) к общему знаменателю. Однако, охарактеризованные ответы в принципе довольно гармонично вписываются в церковный дискурс средне- и позднесоветского периодов, ориентированных на максимально возможное согласование элементов православного и коммунистического мировоззрения.

Конечно, не все элементы традиционной конфессиональной культуры можно было как-то (пусть даже искусственно) соединить с системой советских культурных кодов. Главная трудность заключалась в том, что советская идеология всегда предполагала атеизм. Некоторые православные иерархи в послевоенные десятилетия пытались выставить последний в качестве «недоразумения». Так, митрополит Ленинградский Григорий (Чуков) в 1954 г. писал о готовности верующих принять многие положения марксизма, которые назвал «в высшей степени привлекательным социально-экономическим учением». Это учение, по словам владыки, совершенно не нуждалось в атеизме, поскольку было ориентировано на социально-экономический прогресс и решаю задачи, не связанные с духовной жизнью человека²⁶.

Большинство граждан, ощущавших себя представителями советской культуры, но не готовых порвать с духовными традициями предков,

23 Анкета Ворошиловой Л. Т., 1941 г. р. / АП СИПР, 2021

24 Анкета Трифонова П. И., 1944 г. р. / АП СИПР, 2021

25 Анкета Юрия П. И., 1942 г. р. / АП СИПР, 2021

26 Шлихта Н. В. «Православный» и «советский»: к вопросу об идентичности верующих советских граждан (1940-е — начало 1970-х гг.) // Антропологический форум. 2012, №23. С. 91.

видимо, не пытались теоретизировать, а просто проявляли мировоззренческий синкретизм. При этом они исходили из того убеждения, что все систематизировать невозможно, в том числе (ввиду человеческой слабости и несовершенства) нельзя привести к общему знаменателю все свои убеждения. Вот как выразил эту мысль бывший советский офицер, член КПСС и одновременно «советский верующий», не пожелавший написать в анкете свою фамилию, но давший пространные комментарии по всем вопросам: «Я, как и все коммунисты, был атеистом. Проводя занятия с военнослужащими, я убеждал их тоже быть атеистами, но в душе я верил в Бога, иногда ходил в церковь. Тайно»²⁷.

Таким образом, и архивные материалы, и устная история средне- и позднесоветского периодов говорят о широком распространении попыток сформировать общее поле христианских (православных) и коммунистических (советских) ценностей как со стороны священнослужителей, так и со стороны их прихожан. С одной стороны, эти попытки стали ответом на вызовы эпохи: демонстрация лояльности государству, в том числе на идейном уровне, давала гораздо больше шансов на сохранение православной культуры в широких слоях общества, чем непримиримое отторжение всего советского. В то же время относительное «примирение» православных идеалов с коммунистическими было не только стратегией выживания Церкви: оно также базировалось на духовных запросах граждан, веровавших в Христа, но при этом доверявших государству и искренне стремившихся к справедливому, светлому «коммунистическому» будущему. Результаты полевых исследований свидетельствуют: сформированная советская идентичность, активное участие в советских практиках в большинстве случаев не исключали для граждан и христианскую самоидентификацию, что привело к формированию в СССР немалого сообщества тех, кого можно было называть «советскими верующими».

Список источников и литературы

Источники

Архив проекта «Советская идентичность и проблемы религиозности: православные практики в повседневной жизни граждан СССР в 1940-е — 1980-е гг.». Полевые материалы 2021–2022 гг. (анкетирование) (АП СИПР, 2021)

27 Анкета Юрия П. И., 1942 г. р. / АП СИПР, 2021.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Фонд 6991 — Совет по делам религий при Совете Министров СССР.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Фонд 606 — Академия общественных наук при ЦК КПСС. Институт научного атеизма.

Литература

Апанасенок А. В., Пудякова И. С. Проблема совмещения советской и православной идентичности гражданами СССР в зеркале воспоминаний жителей провинциальной России // *Провинциальные научные записки*. 2021, № 2. С. 12–18.

Воробьева Н. В. Конструирование «советской» идентичности в автобиографиях омских архиереев // *Омские научные чтения — 2019. Материалы Третьей Всероссийской научной конференции*. Омск, 2019. С. 111–119.

Захарчук М. На поповских хлебах: Рассказы матушки. Рязань: Зерна-Слово, 2014. 192 с.

Лизгунов Павел, иерей. «Журнал Московской Патриархии» как инструмент «примирения» православного и советского самосознания у верующих СССР в 1940-е — 1980-е гг. // *Церковный историк*. 2021. № 2 (6). С. 147–157.

Лука, архиепископ (Войно-Ясенецкий). Наука и религия: дух, душа и тело. М., 2001. С. 77–78.

Лука (архиепископ Крымский и Симферопольский). К миру призвал нас Господь // *Журнал Московской патриархии*. 1948. № 1. С. 62.

Шлихта Н. В. «Православный» и «советский»: к вопросу об идентичности верующих советских граждан (1940-е — начало 1970-х гг.) // *Антропологический форум*. 2012, № 23. С. 82–107.

Siegelbaum L. H. Religion, Anti-Religion and Double Faith // *Soviet State and Society between Revolutions, 1918–1929*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 156–165.

Stone A. B. «Overcoming Peasant Backwardness»: The Khrushchev Antireligious Campaign and the Rural Soviet Union // *Russian Review*. 2008. Vol. 67. No. 2. P. 296–320.

Young G. Power and the Sacred in Revolutionary Russia: Religious Activists in the Village. University Park: Pennsylvania State University Press, 1997. 307 p.